

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ
Ю. КОРЧЕВСКОГО**

**ТРИ РОМАНА
ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ**

КОРЧЕВСКИЙ
ЮРИЙ

ВЕЩИЙ

**РАЗВЕДКА
БОЕМ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Вещий. Разведка боем / Юрий Корчевский. — Москва : Издательство «Э» : Яуза, 2018. — 576 с. — (Фантастические бестселлеры Юрия Корчевского).

ISBN 978-5-04-090449-5

Он не только заброшен из нашего времени в Московское Царство, но и одарен способностью видеть ВЕЩИЕ СНЫ.

Он стал одним из лучших фехтовальщиков в царском войске и заслужил боярское звание, защищая рубежи Руси от татарских набегов.

Боярская честь обязывает «попаданца» принимать любой вызов и первым бросаться в самое пекло, будь то самоубийственная атака против целого войска, рискованная вылазка за «языком» во вражеский тыл или смертельно опасная «разведка боем»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090449-5

© Корчевский Ю.Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Э», 2018

СТРЕЛЕЦКАЯ КАЗНА

**ВЕЩИЕ
СНЫ**

Во дни благополучия пользуйся
благом, а во дни несчастья размыш-
ляй.

Екклесиаст, 7:14.

ГЛАВА 1

 роехав осторожно лес, мы выбрались на Муромский тракт и пустили лошадей галопом. Скоро вечер, и мне не хотелось приехать к закрытым городским воротам.

Успели в последний момент, когда стражники уже закрыли одну створку ворот. Влетели в город на взмыленных лошадях. Во время скачки по дороге я боялся, что девчонки не выдержат, попросят отдых, но они сдюжили.

За воротами я остановился — спешить было некуда; взял лошадей под уздцы и повел в поводу. Как хорошо пройти пешком — пятая точка уже отбита: не любитель я конных скачек, хотя жизнь заставляет привыкнуть и к этому виду передвижения.

Вот и постоялый двор, где мы останавливаемся обычно на ночлег. Слуги приняли коней и повели в конюшню, а я с девушками пошел на постоялый двор.

Трапезная была полна людей, все — в изрядном подпитии. Увидев меня с девушками, народ застыл в изумлении. Наступила просто мертвая тишина.

— Почто пьем, люди? Праздник какой ныне? А то я что-то дням счет потерял.

Из угла раздался вопль, выскочил Карпов и бросился обнимать дочь. По щекам его текли слезы, он сжимал девушку в объятиях, оглядывал с головы до ног, целовал. Более бурных проявлений отцовских чувств я не видел. Из того же угла выскочили мои дружинники:

— Юра! Жив! — Начали меня обнимать, хлопать по плечам. У Андрея рука тяжелая, приложился так, что кости хрустнули.

— Осторожнее, ребята, у меня еще не все зажило. По какому поводу пьем?

— Купец дочку оплакивает, думал — все, а тут ты с де-вушками. Мы тоже думали — конец. Горе вином заливали, купец не скупился, стол богатый накрыл. Как удалось-то?

— После расскажу. Пожевать чего есть ли?

Меня чуть ли не на руках отнесли к столу, усадили на лавку. Рядом сидел охранник из обоза, пьяный в стельку. Едва глянув на меня мутными глазами, он уронил голову на стол и захрапел.

— Устал человек, — уважительно кивнул на охранника Андрей. Подхватил его под мышки и потащил на второй этаж, в комнаты. Герасим и Павел сели рядом, по обе стороны от меня, подкладывали в оловянную миску лучшие куски, пока я насыщался. Почувствовав в животе приятную тяжесть, я сдобрил ужин хорошей кружкой мальвазии.

— Все, хлопцы, сил нет — спать, все разговоры завтра.

Меня под руки провели в комнату, сняли сапоги, пояс с саблей и уложили в постель. Отключился я мгновенно.

Проснулся я оттого, что за дверью кто-то ругался. Я разлепил глаза. Уже утро, в оконца льется солнечный свет, комната пуста. Дверь приоткрылась, в комнату заглянул Павел.

— О, ты уже проснулся? К тебе гости. Пропустить?

Я поднялся с постели, натянул сапоги, опоясался. Негоже встречать гостей, даже на постоялом дворе, не опоясавшись — неуважение к гостю.

— Заводи.

В комнату, шумно отдуваясь, протиснулся Карпов, поздоровавшись, уселся на лавку. Бойцы мои стояли у дверей.

— Доброго утречка! Слышь, Юрий, ты забудь про обидные слова, что я тебе у обоза наговорил сгоряча. Уж больно потеря велика была — доченька единственная моя, любимая. То не разум мой кричал, а сердце, кровью обливавшееся. Мир?

Я засмеялся:

— Мир, Святослав. — Мы пожали друг другу руки.

— Вот плата, о чем уговаривались.

Купец протянул мне кожаный кошель, раздувшийся от монет.

— А это — тебе отдельно. — Он снял с пальца массивный золотой перстень с изумрудом и надел мне на палец. — Дочка о твоих подвигах рассказывала. Герой! Не пойдешь ли ко мне служить, охранник у меня только один надежный остался. Плату хорошую положу, сколько князь платит — так я вдвойне.

— Спасибо за приглашение, купец, но не обижайся — не могу.

Бойцы мои заулыбались:

— Говорили мы ему — не верил.

— Ну тогда прощевай, Юрий. Торопиться мне надо. Сам понимаешь — смотрины отменить нельзя, договор. Коли надумаешь — завсегда приму. У князя служба колготная. У меня спокойнее и сытнее.

— Извини, Святослав, я решений не меняю.

Купец встал, по-дружески похлопал меня по плечу, поклонился нам всем и вышел.

Бойцы уселись на лавку, Павел промолвил:

— По-моему, спесь с него слетела слегка. Как дочь потерял, человеком стал.

— Брось, Паша, — перебил его Герасим, — расскажи лучше, как все повернулось.

Я коротко пересказал об освобождении девушек, не упомянув только, что проходил сквозь стены. Герасим, услышав о злате-серебре, оставленном в избушке, аж за голову схватился и застонал.

— Что ж ты все бросил, хоть бы один мешок добром набил!

— Не хочу, Герасим, я этого золота, оно злодеями у людей отобрано, в крови все.

— Не брал бы себе, коли душа протестует, нам бы отдал, вот я бы не отказался.

Бойцы засмеялись:

— Заждались мы тебя, атаман, все жалели, что одного отпустили.

— Все закончилось лучшим образом. Сегодня отдыхаем, завтра назад, возвращаемся домой, в Москву. Нечисти не видно и не слышно боле, шайку разбойничью вывели под корень, а ежели кто и остался — не скоро с силами соберется. Сейчас деньги поделим, и делайте что хотите.

Мы уселись за стол, честно поделили содержимое кошелька, что передал нам купец. Завернув деньги в тряпицу, Герасим убрал ее за пазуху и попросил посмотреть перстень. Мне не жалко. Герасим повертел его, надел себе на палец, полюбовался и с видимым сожалением вернул, цокая языком:

— Красивая вещь, дорогая.

— Старайся, и у тебя будет такая же.

После полудня ко мне пришла целая делегация — мелкие купчики, ремесленники. После приветствия и пожелания здоровья начали разговор.

— Слышали мы — завтра с утречка обратно едешь?

— Весна, дороги развезет скоро, пора домой возвращаться, в Москву. А в чем дело?

— Проводи нас под рукой своей до Владимирских земель, все равно по пути. У нас, конечно, серебра столько не будет, сколь у Карпова, но с каждых саней мзду получишь. По рукам ли?

Я засмеялся:

— Свободна же дорога, нечисти нет, разбойников тоже. Объединитесь вместе и сами доберетесь до места.

— Так-то оно так, только во всяком деле удача нужна. Спокойнее будет под твоей защитой.

— Ну, коли настаиваете, ждите утречком у городских ворот.

Вот уж точно — отдых воина расслабляет. Так ломило утром вставать из теплой постели, уезжать от горячей еды, от крыши над головой. Впереди долгий путь, холод, нередко — питание всухомятку, а может, и встречи нежелательные, хотя бы с теми же разбойниками. Их на всех

дорогах еще полно. Не сподобился государь-батюшка полицию задумать и ввести, вот и лиходейничали на дороге все, кому не лень.

Выехав из городских ворот, поздоровались со вчерашней делегацией. Здоровенный обоз из полусотни саней уже был готов, и мы сразу двинулись в путь.

Ехали не спеша: мы могли бы и быстрее, да не угнаться тогда за нами лошадам с тяжело груженными санями. Вот и приходится приноравливаться к их скорости. Известное правило — скорость хода каравана определяется скоростью самого старого верблюда.

К вечеру мы все-таки добрались до Мошкина. Хозяин аж взвился от радости — как же, опять прибыль. Поужинав, легли спать.

Около полуночи меня в очередной раз разбудил домовой.

— Чего тебе, неугомонный?

— Не пей завтра вина из кувшина.

Сказал и исчез, как и прежде. Интересно, к чему это он? Я постарался уснуть и утром не вспомнил бы о предостережении, но хозяин вынес мне на дорожку кувшин.

— Возьми, ратник: дорога дальняя предстоит, подкрепись глоточком. Хороша мальвазия!

— Спасибо, хозяин, за еду и кров; теперь не скоро свидимся — в Москву путь держим.

— Счастливой дороги!

Я сунул кувшин в переметную суму и задумался. Почему домовой сказал про вино и кувшин? Ладно, после разберемся.

К вечеру обоз прибыл в деревеньку за рекой. Прислуга заводила коней в стойла, а я понес переметную суму на постоялый двор. Вспомнив о кувшине, вытащил деревянную пробку, понюхал — вино как вино.

Я не успел сделать и пары шагов, как под ноги мне бросился лохматый пес. От неожиданности я выронил кувшин, и, к моему сожалению, он разбился. Невелика потеря, сейчас в трактире восполним.

Поднявшись на крыльцо, я оглянулся. Псина с жадностью лакала сладковатое вино. Небось, уж не в первый раз лакомится такими напитками.

После ужина, когда я вышел по нужде перед сном, то вновь увидел пса. Он лежал неподвижно перед лужицей вина.

Сдох! И сдох от вина, что кабатчик мне на прощание подарил. Так вот о чем домовой меня предупреждал. Вино отравленным оказалось. Как-то сразу вспомнилось, что неизвестный во дворе корчмы Панфила в Мошкино подавал сигналы светильником из-за забора, когда я купца Святослава в Муром с обозом сопровождал. Чертово семя! Вот где наводчик разбойничьей шайки окопался, а может быть, — и организатор.

Возвращаться назад, в Мошкино, не хотелось, а вот послание муромскому посаднику отписать надо: пусть приглядится, а может, и потрясет хозяина постоялого двора. Не ожидал такого.

Обычно отравления — это Франция, инквизиция, зловещие козни придворных интриганов за сладкий кусок с королевского стола. Но здесь, в муромской глуши?

Редкий для Руси этого времени способ убийства. Обычно предпочитали чего попроще — ножом в спину, дубиной по голове, значительно реже — удавка на шею. Но яд? Интересно, не появлялись ли в этих краях о прошлом годе иноземцы из Венеции, Италии, Франции? Как раз яды — излюбленный способ тихого убийства в этих «цивилизованных» странах, к тому же без следов. Уже в постели мне вдруг припомнилось, что на пиру у государя стоящий скромно за спиной его слуга пробовал все, что подавалось на блюдах и наливалось в чарки. Стало быть, и до Руси докатилась эта зараза. Надо бы не забыть, найти сведущего человека в Москве — пусть просветит.

А ночью приснился мне странный сон. Вот чьи-то руки наливают в кувшин с вином из маленького пузырька бесцветную жидкость — совсем немного, буквально чайную ложку, прячут пузырек за сундук. Я понимаю, что это яд, не льют в вино никаких снадобий. Затем какие-то

неясные картинки и более четко — князь Овчина-Телепнев сидит за столом с домочадцами, кушает, слуга наливает из кувшина вино в серебряные чаши. Тут мой сон оборвался, и я проснулся в холодном поту и с бьющимся сердцем. Во рту пересохло. Приснится же такое! Ратники мои сладко спали, Андрей похрапывал, Павел беспокойно шевелил во сне руками, Герасим что-то бессвязно шептал. Я снова улегся, но сон не шел из головы. Навеяли ли он происшедшей вечером попыткой отравить меня или нас всех — ведь кабатчик предполагал, что вином я могу поделиться со своими дружинниками?

А вдруг сон вещий? Тогда что делать? Даже если я сейчас вскочу на коня, мне не успеть добраться до Москвы, только коня загоню. Может быть, попробовать внушить князю предостережение — не пить вина? Как это сделать? Я же не телепат. Но надо попробовать, другого выхода просто нет. Я закрыл глаза и сосредоточился. Мысленно прошел по княжескому дому, поднялся на второй этаж, открыл дверь в опочивальню князя.

В комнате горит масляный светильник, скудно освещающая изголовье постели и князя. Собственно только лицо и руки на груди. Я встал у изголовья, пристально взгляделся князю прямо в лицо, стал медленно и четко говорить: «Княже, не пей вина, тебя отравить хотят!» Так я повторил несколько раз. Князь беспокойно заворочался в постели, проснулся и сел.

— А, это ты, Юрий! Почему ты здесь? Ты же в Муроме должен быть?

— А я и есть в Муроме — это же сон, твой сон, князь. Я тебе просто снюсь.

— Зачем в мой сон пришел?

— Предупредить хочу — отравить тебя хотят, не пей завтра вино — с ядом оно. Кто-то из твоих домовых слуг. Найди его.

Внезапно все пропало — и дом княжеский, и князь в постели. Я открыл глаза. Уже утро. Солнце пробивалось в затянутые бычьим пузырем окна, сотоварищи мои ворочались в постелях, а Герасим уже тер глаза. Чертовщина

какая-то! Приснилось это все мне ночью — сон про князя, моя попытка внушить ему мои подозрения? Или уже начались раздвоения личности? Бред какой-то параноидальный. Не стоит ни с кем делиться мыслями, сочтут — свихнулся. Еще блаженным я не был!

Однако же сон имел интересное и вполне реальное продолжение...

За пару недель мы с обозом добрались до Москвы. Последние два дня дались трудно, дороги начало расквашивать, сани вязли в грязи. Приходилось их местами толкать, а возчики и вовсе шли пешком, дабы не уморить коней вовсе. Когда показались предместья Москвы — избенки крестьян, ремесленников, торговцев — подлого сословия, радости обозников и нашей ватажки не было конца. Добрались!

Обозники скинулись и передали мне мешочек с деньгами. Не откладывая в долгий ящик, я тут же разделил монеты. Наверняка по приезде и докладе князю всем дадут отдых, и тут уж денежки ох как понадобятся — одежду поменять, родным подарки сделать, у кого они есть. А одежда — мало того что истрепалась, так уже и не по сезону.

Кончилась зима, нелюбимое мое время.

Мы заехали во двор к князю, завели коней в конюшню, расседлали. Отдыхайте, лошадки, вы тоже заслужили. Сами почистились, как могли, а уже слуга дворовой бежит — князь просит всех к нему в кабинет.

Зашли. Князь радостно всех поприветствовал, расспросил как да что. Я рассказал о нечисти, о том, что Михаил погиб как герой в схватке с волкодлаком, о криксах, о банде разбойников. О чем не рассказал — так это о сопровождении обозов и деньгах. Пусть это останется нашей маленькой тайной. В принципе страшного здесь ничего нет, все, что воин взял в бою, — его трофей. Никто, ни князь, ни сам государь, не вправе претендовать на взятое мечом. А захваченные в бою города вообще на три дня отдавались на разграбление воинам. Воеводе — доля с трофеев, государю — покоренный город и

новые земли, а уж воину — его добыча, то, что он мог уместить на себе или в переметных сумках лошади. Кто же из ратников будет воевать за одну похлебку? Чай, не боевые холопы.

Князь, выслушав нас, одобрил все действия и, вручив за усердие и службу по небольшому мешочку серебра, дал отдых до особого распоряжения. Когда уже все выходили, попросил меня задержаться.

«Вот оно!» — екнуло в груди. Князь усадил меня на лавку, сел сам. Барабания пальцами по столу, хмыкал, не решаясь начать разговор.

— Вот что, Юра, пусть разговор наш останется между нами. Видел я седмицу назад сон один странный, да так ясно и чисто, вроде как наяву. Будто стоишь ты рядом с постелью моей в опочивальне и молвишь: «Не пей вина, отравлено оно». Утром за столом наливают мне вина, да сон мне сразу вспомнился, не стал я пить и супруге не дал, вылил в ушат свинье, а та отравилась и тут же издохла. Хочешь верь, хочешь не верь в вещице сны, а выходит — спас ты меня.

— Надо же, — прикинулся я простачком, — бывают все-таки вещице сны.

— Так вот, тебя с ратниками здесь не было — уж очень далеко были, на вас не думаю. А остальные под подозрением. Как можно жить в доме, когда знаешь, что змей пригрелся у очага? Верить ли — стал бояться в доме кушать. Коли злыдень здесь, в доме моем, в кушанья яду подсыпать могут. Ты хорошо себя проявил, когда по велению государеву искал на Псковщине людишек, печатающих лживые монеты. Мне сразу про тебя подумалось — найди мне собаку эту, змею подколотную, что хозяина укусить до смерти норовит. Делай что хочешь — даже пытать дозволяю, всех под подозрением держи, только на тебя надежда. Но держи язык за зубами, не только в отравителе дело. Новых людей к себе в дом давно я не брал, почему вдруг конфузия такая? И вот что думаю — не враг ли тайный наверху объявился?